

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Западно-европейская философская мысль, как известно, развивалась диалектически: тезис — Гегель; антитезис — Фейербах; синтез — Маркс. Подобным же образом, т. е. диалектически, но в гораздо более медленном темпе, развивалась философская и эстетическая мысль в России: тезис — эстетика Белинского (философия Гегеля); антитезис — эстетика Чернышевского (философия Фейербаха); синтез — эстетика Плеханова (философия Маркса).

Роль Плеханова в истории развития научной эстетической мысли аналогична роли Маркса в истории развития философской мысли. Но при этом следует, конечно, помнить, что теория диалектического материализма была создана до Плеханова совершенно самостоятельно Марксом в сотрудничестве с Энгельсом. Плеханову оставалось только лишь воспользоваться уже созданной марксистской теорией. Но воспользовался он ею самым блестящим образом. Ибо Плеханов был не просто учеником Маркса, но гениальным его учеником. Он самостоятельно углублял и развивал марксистскую теорию дальше и применял ее к таким областям знания, которые до Плеханова совершенно не исследовались с точки зрения этой теории. Именно Плеханов впервые и совершенно оригинально применил теорию диалектического материализма к исследованию эстетических проблем. И это применение бесспорно свидетельствует о гениальных способностях и глубине мысли Плеханова. В этом заключается одна из крупнейших его теоретических заслуг.

Г. В. Плеханов, по мнению С. Вольфсона, только лишь указывал пути, по которым должен направиться творец научной эстетики, воздвигнутой на базе диалектического материализма. Плеханову, по мнению С. Вольфсона, этим творцом сделаться не удалось. «Если Плеханова и нельзя назвать

творцом марксистской научной эстетики, — пишет С. Вольфсон, — то мы имеем все основания считать его ее *основоположником*». ¹⁸⁶

Я с этим не могу согласиться. Вся наша работа показывает, что мы имеем право в отношении Плеханова говорить о разработанной, стройной, целостной системе эстетических взглядов. А ведь мы, хотя и останавливались более или менее подробно на длинном ряде эстетических проблем, однако, далеко еще не исчерпали всего богатства содержания эстетической теории Г. В. Плеханова. Плеханов не только наметил исходные пункты и сформулировал основные теоретические положения марксистской теории искусства, но он также создал на их основе ясную и отчетливую *эстетическую систему*, связанную с теорией диалектического материализма. Само собою разумеется, здесь речь идет не о *метафизико-догматической* эстетической системе. Материалистическое мировоззрение, вообще говоря, отвергает *нормативную эстетику*. ¹⁸⁷ На основании этого я полагаю, что Плеханова следует считать не только *основоположником марксистской эстетики* или, если хотите, марксистской теории искусства, но также и в большей или меньшей степени ее *творцом*.

И. Иоффе считает эстетическую теорию Г. В. Плеханова уже превзойденной ступенью, наоборот, А. Лежнев считает ее даже не достигнутой еще ступенью. Кто прав из них? Относительно правы и тот и другой. Эстетическая теория Плеханова действительно может считаться в настоящее время в известном смысле превзойденной ступенью. Но, конечно, не в том смысле, что эта теория является в настоящее время совершенно использованным и потому ненужным устаревшим хламом, который можно и должно отбросить в сторону, чтобы он не мешал дальнейшему научному развитию. В эстетической теории Г. В. Плеханова и в настоящее время можно найти большое количество истин, которые навсегда останутся незыблемыми и непоколебимыми. Но, с другой стороны, ряд эстетических проблем разрешаются в настоящее время значительно более глубоко и исчерпывающе, чем это имело место у Плеханова; ряд вопросов ставится в настоящее время значительно более ясно и отчетливо; наконец, нам достаточно ясны теперь некоторые ошибки и недостатки эстетической теории Плеханова. Но осознать

ошибку, значит в значительной степени преодолеть ее. В этом смысле эстетика Плеханова может считаться в настоящее время превзойденной.

Но в то же время она может считаться с известной точки зрения все еще не достигнутой ступенью. Наоборот, в некоторых пунктах мы даже отступили от нее назад. Мы это показали, кажется, достаточно ясно в нашей работе. Чем же это объясняется? «Для того, — писал Плеханов, — чтобы критиковать того или другого автора, нужно глубже, нежели он, проникнуть в смысл тех явлений, которые он изучал или объяснял» (XIV, 327). А этого как раз не дано многим современным критикам Плеханова. В особенности плохо обстоит дело с пониманием и применением *диалектического метода*. И. С. Гроссман-Рощин в статье: «Диалектика в теории искусства» пишет: «Мало, очень мало сделано в области литературы. Здесь несомненно наблюдается глубоко отрицательное явление. Словечко «диалектика» красуется очень часто, подозрительно часто. А дела — маловато». И в другом месте он отмечает: «Одно дело — употребление диалектической терминологии, совсем другое дело — *применение* диалектики». ¹⁸⁸ С этим, по нашему мнению, нельзя не согласиться.

Приведем только один характерный пример неясного понимания того, что представляет из себя *диалектический метод*. М. А. Яковлев заканчивает свою книгу «Плеханов как методолог литературы» следующим образом: «В заключение добавим, что Плеханов не отрицает и сравнительно-исторического метода в историко-литературном исследовании; этот метод является необходимым дополнением к диалектическому методу, так как фактор влияний и литературного обмена при соответствующих социальных переживаниях имеет вообще большое значение в эволюции литературного творчества». ¹⁸⁹ Отсюда можно сделать следующие выводы: 1) Диалектический метод не является *всеобъемлющим* методом; 2) Диалектический метод *не учитывает* литературных влияний и литературного взаимодействия; 3) Диалектический метод *исключает* сравнительно-исторический метод, поэтому его необходимо *дополнить*. И эти мысли, искажающие подлинную сущность диалектического метода, приписываются Плеханову!

В своей работе я ставил себе между прочим целью пока-

зять и — мне хочется это думать — показал, что Г. В. Плеханов был, пользуясь выражением персидского поэта, поистине «водолазом в море диалектических истин». Поэтому я позволяю себе думать, что мы должны перестать «дополнять и исправлять» Плехановскую теорию искусства, а приступить к серьезному, всестороннему и углубленному изучению ее. Это следует особенно подчеркнуть, ибо стремление «к дополнению и исправлению» взглядов Плеханова на искусство начинает принимать недопустимый характер. В. Полянский в интересной статье: «Основные вопросы современного литературоведения» рассуждает между прочим о взглядах П. Н. Сакулина, И. Иоффе, В. Переверзева. Заклучая статью, Валерьян Полянский спрашивает: «что это — пересмотр Плехановских положений или только углубление и развитие его взглядов? Следует понять, чем все это вызвано и куда ведет, чтобы быть готовым критически встретить тот или иной поворот марксистской мысли». ¹⁹⁰ Вне всякого сомнения это — явный пересмотр Плехановских положений. Но для того чтобы дать действительно плодотворный и критический отпор этому пересмотру, необходимо приступить к созданию ряда научных монографий о теории искусства Г. В. Плеханова. Это будет лучшим способом почтить память великого основоположника и творца марксистской науки об искусстве.

В итоге все наши рассуждения лишний раз, по крайней мере так кажется мне, убеждают в том, что марксистское искусствознание расцветет только лишь на той плодороднейшей почве, которую уже вспахал и засеял ценнейшими для искусствознания мыслями Георгий Валентинович Плеханов! ¹⁹¹

Р. С. За всякого рода критические указания буду очень благодарен. Адрес мой: «Ленинград. Государственный Институт Истории Искусств; площ. Воровского, 5. А. Я. Андрузскому».
